

Отшив Яо Хуай Линя парой колкостей, Шэнь Чан Ань мысленно вычеркнул его из своего "списка обид" и, приняв самый серьёзный вид, изрёк:

- Всё, мне на работу пора. Бывай.

Наблюдая, как Шэнь Чан Ань пулей вылетает со стоянки и в мгновение ока исчезает за поворотом, Яо Хуай Линь, недолго думая, сунул пачку листовок в руки ничего не подозревающему коллеге, который как раз подошёл перекинуться парой слов.

- Братан, это ещё что за фигня? - уставился тот на яркие, безвкусные бумажки.

- Духовно-нравственное перевоспитание, - с каменным лицом ответил Яо Хуай Линь. - Изучай, усваивай. Это теперь твоё чтение на ближайший вечер.

- ... - коллега лишь молча похлопал глазами, глядя то на листовки, то на удаляющуюся спину Яо Хуай Линя.

* * *

Из-за вечной нехватки бюджетных средств отдел по делам народонаселения ютился в арендованном старом доме на оживлённой улице, которому было уже почти двадцать лет. Кроме почтенного возраста, не скрыть которое не могли даже многочисленные слои краски, да слегка облупившейся штукатурки, других недостатков у него не было. А был даже большой плюс: позади дома имелся просторный дворик, заросший старыми, раскидистыми деревьями. После четырёх-пяти часов пополудни, когда спадала основная жара, сюда частенько приходили местные старики со складными стульчиками и табуретками - посидеть в тени, обсудить последние новости, скоротать долгий летний вечер.

Сейчас, правда, было только два часа пополудни - самое пекло, время, когда даже мухи дохнут на лету. Шэнь Чан Ань, въехав во дворик на своём велосипеде и чувствуя, как плавится резина под колёсами, сразу заметил необычную картину: на бетонном бордюре, окружавшем клумбу под самым большим деревом, сидел, понутив голову, какой-то молодой человек. Вид у него был такой потерянный и несчастный, что Шэнь Чан Ань, запирая велосипед, невольно задержал на нём взгляд дольше, чем следовало бы.

Почувствовав на себе чужое внимание, парень поднял голову, и их взгляды встретились. На одно короткое мгновение в глазах незнакомца мелькнул такой неподдельный, животный страх, что он буквально втянул голову в плечи, словно ожидая удара.

Эта реакция была настолько неожиданной и неадекватной, что Шэнь Чан Ань невольно провёл ладонью по лицу, ощупывая его. Неужели он выглядит настолько пугающе? Может, у него за ухом кровь как после драки или глаз подбит?

Видимо, сам парень тоже осознал, что его реакция была чересчур бурной. Он виновато, даже как-то заискивающе улыбнулся Шэнь Чан Ань, всем своим видом показывая: "Извините, я не хотел Вас напугать, это я сам дурак".

Шэнь Чан Ань, криво усмехнувшись уголками губ, ответил вежливой, но сдержанной улыбкой и поспешил к подъезду. Что-то в этом молодом человеке показалось ему странным, какая-то неуловимая неправильность, но он не мог понять, что именно.

Поднявшись на второй этаж, он застал Гао Шу Цзюань за уборкой: она сосредоточенно, с каким-то ожесточением, водила шваброй по кафельному полу коридора. Увидев его, она властно выставила вперёд руку:

- Стоять! Ни с места!

Шэнь Чан Ань послушно замер. Гао Шу Цзюань, не говоря ни слова, ловким движением пододвинула швабру прямо к его ногам и скомандовала:

- А ну-ка, подошвы как следует об неё протри!

Шэнь Чан Ань, чувствуя себя примерно так же, как в детском саду перед входом в группу, старательно, с нажимом, потёр подошвами кроссовок о влажную тряпку на швабре. Убедившись, что грязи не осталось, он расплылся в благодарной улыбке:

- Тётя (1) Цзюань, давайте я помогу домыть.

- Не надо, не надо, заходи под кондиционер, отдыхай, - Гао Шу Цзюань окинула взглядом его лицо, покрасневшее от солнца, с материнской тревогой. Нельзя допустить, чтобы эта белая, нежная кожица превратилась в подгоревшую лепёшку, как у неё на сковороде. А то где потом девушки возьмутся, чтобы на такого красавчика заглядываться?

- Пустяки, - Шэнь Чан Ань мягко, но настойчиво забрал у неё швабру и, согнувшись, принялся методично, метр за метром, начисто вымывать пол. Движения его были быстрыми, чёткими, экономными, без лишней суеты. Гао Шу Цзюань, наблюдая за ним, одобрительно заметила:

- Сразу видно, Чан Ань, ты дома не чурался помогать старшим, к труду приучен. Молодец.

Шэнь Чан Ань лишь улыбнулся в ответ, ничего не сказав. Он действительно привык делать всё быстро и качественно. Вскоре весь пол в коридоре и на балконе сиял чистотой. Прежде чем зайти в комнату, он машинально бросил взгляд вниз, во двор.

Тот странный молодой человек всё ещё был там. Он стоял, прижимаясь ладонями к шершавому стволу самого большого дерева, и, кажется, что-то тихо, едва шевеля губами, говорил. Со стороны это выглядело жутковато: пустой двор, палящее солнце, и одинокая фигура,

беседующая с деревом.

- Этого парня зовут Сунь Цзя, - раздался за спиной голос Гао Шу Цзюань, которая тоже подошла к окну. - Раньше его семья жила где-то по соседству. Он парень способный был, учился хорошо, но провалил вступительные экзамены в вуз, а после этого тяжело заболел. Родители, чтобы спасти его, продали квартиру, все деньги на лечение ушли. Жизнь-то ему спасли, а вот разум... помутился. С тех пор он сам не свой, говорит странные вещи, заговаривается. Часто приходит сюда, к этому дереву, разговаривает с ним, - Гао Шу Цзюань вздохнула. - Видно, сегодня опять приступ. Не усмотрели родители, вот он и удрал. Ты не бойся его, Чан Ань. Парень хоть и с придурью, но безобидный, никогда никого не тронет. Я уже позвонила его матери, сказала, что он здесь. Скоро придут, заберут.

- И его... не лечат? В больницу не кладут? - спросил Шэнь Чан Ань, взглядываясь в одинокую фигуру внизу. Сунь Цзя был молод, лет двадцати с небольшим, черты лица имел правильные, даже красивые. Такой молодой, и так бессмысленно, по-дурацки, прожить всю оставшуюся жизнь - до чего же обидно, до чего жалко.

Гао Шу Цзюань усмехнулась, но в усмешке её не было веселья, только горькая житейская мудрость.

- Эх, Чан Ань, - покачала она головой. - Ты, выросший в большом городе, откуда тебе знать. Иногда семья настолько бедна, что такие расходы им просто не потянуть. А хороших психиатрических клиник у нас здесь, сам знаешь, нет. Есть только интернаты, где, говорят, с больными обращаются хуже, чем с собаками. Какие же родители согласятся отдать туда своё дитя? Лучше уж пусть будет здесь, под боком, на глазах - так спокойнее, по крайней мере, знаешь, что его не обидят, накормят.

1. Тётя Цзюань (阿姨) - обращение "и" (姨 - тётя по материнской линии) используется по отношению к женщине среднего или пожилого возраста, которая старше говорящего, но не является родственницей. Выражает уважение, теплоту и признание её более высокого положения по возрасту или статусу. Подчёркивает почтительные, но тёплые отношения между коллегами.

<http://bllate.org/book/16518/1503423>